

УДК 1 (091)

DOI: 10.17223/1998863X/35/7

Р.М. Хамитов

ПЕРЕЖИВАНИЕ В СТРУКТУРЕ ГУМАНИТАРНОГО ЗНАНИЯ В. ДИЛЬТЕЯ

Рассмотрено развитие дильтеевской исследовательской борьбы за эмансипацию гуманитарного знания, в которой постоянно происходит одновременно и высвобождение истории из-под гнета естественнонаучных методов, и поглощение истории остальными дисциплинами, предметом которых выступает человек, представлена антипсихологическая позиция позднего Дильтея, перемещающая исследовательский акцент в сторону герменевтики.

Ключевые слова: антипсихологизм, герменевтический круг, эмансипация гуманитарных наук, исторический метод.

Большой прорыв в сторону решения проблемы познания исторического в своей исследовательской деятельности сделал В. Дильтей. Его исходной точкой было противопоставление предмета человеческого мира и предмета природы, их принципиальное различие в гносеологическом отношении. Сначала В. Дильтей, полагаясь на эмпатию, базировал науки о духе на психологии, но, когда познакомился с работами Э. Гуссерля, критиковавшего психологизм, он пытался отойти от прошлого видения проблемы. Его герменевтика обретала иной характер, текст истории стал пониматься, исходя из человеческой коммуникации. Э. Кассирер разделял позицию Дильтея относительно несоответствия естественнонаучного и исторического исследовательского видения своих предметов, в «Опыте о человеке» он писал: «Историческая и естественнонаучная мысль различимы не по их логической форме, а по их целям и содержанию. При описании этого различия недостаточно сказать, что ученый имеет дело с объектами настоящего, а историк – с объектами прошлого: такое различие будет ошибочным. Подобно историку, ученый может очень хорошо проникать в происхождение вещей...» [1. С. 649]. Историк, продолжал Кассирер, «стремится раскрыть не прежние, более ранние состояния физического мира, а предшествующие стадии человеческой жизни и культуры» [1. С. 650]. Главное место здесь занимает интерпретация, с помощью которой предметы приобретают свою жизнь, будучи расшифрованными в рамках человеческой культуры, ведь именно она и составляет главный интерес исследователя.

Замысел освободить гуманитарное знание от гегемонии естественных наук, от экстраполяции их метода на сферу культурных инстанций, рассмотрение внешнего мира, при изоляции субъективного, означали стремление приблизить исследователя к истине в области наук о человеке и человеческом. Дильтей настаивал на том, что истина в науках о духе достижима другим путем, нежели посредством естественнонаучного эксперимента. Его решение вопроса об истине в науках о духе опиралось на описательную психологию и антипсихологизм Гуссерля. Они способствовали, как считал Дильтей, при-

ближению к человеческому миру, к возможности понять жизнь как взаимосвязь всего, что заполняет духовный мир. Эта позиция, исходящая из самой жизни, нивелировала проблему декартовского дуализма, упраздняла разделение между телом и духом как субстанциями.

Отказ от интроспекции привёл Дильтея к тому, что он обратился к методу понимания. Всё, что относилось к сфере гуманитарных наук, рассматривалось теперь как текст, т.е. нечто, хотя и поддающееся схватыванию, но вечно продолжающееся, что делало невозможным или нецелесообразным начинать каждый раз заново. Следовало использовать все человеческие ресурсы как в пространственном, так и во временном отношении, иначе – всегда придется изобретать новые методы понимания. Причем эти методы могут и не отличаться от предыдущих, они будут лишь отстоять от них дальше во времени. Поэтому необходимо иметь в виду культурное наследие, которое будет планом действий с всевозможными иллюстрациями, способствующими продолжению пути с того момента, где решение проблемы представляется наиболее перспективным. Иначе и невозможно построить не то что науки о духе, но и их составляющие.

Вопрос состоял в сохранении, развитии, реконструкции данных истории как основной науки о духе. Она бралась как текст, в ней возможна антиципация, хотя философии истории, по мнению В. Дильтея, не имелось и быть не могло, всё же возможность предсказывать те или иные события с некоторой долей вероятности существовала. Отметим также неприязнь Дильтея к гипотезам, ибо они уводили историю от статуса научности. При всей устремлённости к научности в историческом познании есть доля ненаучного материала. Это представлено у Дильтея при рассмотрении автобиографии. Автобиография вполне может быть художественным произведением, в которое автор может примешивать свои мысли к опорным пунктам своей жизни, эти мысли будут играть роль для следующих поколений, интересующихся жизнью героя автобиографии. Если он политический деятель или совершил что-то, внёсшее изменение в будущее положение дел, то его труд может служить источником исторических работ. Созвучно этим соображениям высказывание Кассирера: «Какое-то письмо Гёте или замечание, брошенное им в разговоре, не оставили следа в истории литературы – и тем не менее они кажутся нам значительными и памятными. Даже если это письмо или высказывание и не имели важных практических последствий, они могут занять свое место среди документов, из которых складывается исторический портрет Гёте» [1. С. 671].

Феномен автобиографии для исторического исследования, по Дильтею, представлял собой склеивание определенных моментов жизни, которые оказывали сильное влияние на дальнейшее ее развитие, при этом остальное либо умышленно не сообщалось, либо забывалось из-за своей частой периодичности, за которой нельзя маркировать событие временным маяком. «Различные виды единства имеют форму переживаний; из их бесконечного, бесчисленного множества осуществляется выбор того, что достойно описания» [2. С. 249], – писал Дильтей. Ценность в автобиографии имеет субъективный характер, но он обладает качеством соединять события в единое целое. Понимание достигалось обращением к цели жизни, на этом пути могли возникать различные препятствия, в форме задач, их решения и неудачи.

Впоследствии этот путь описывается с помощью означивания тех точек жизненного пути, которые создают целостную картину, понятную для стороннего взгляда, здесь в силу вступает другая категория – значение. Дильтей подчеркивал внутреннее происхождение автобиографии, акцентируя внимание на самоосмыслении, придающем прошлому форму литературного произведения, из которого берут истоки дальнейшие сюжеты книги истории. Он писал: «Связь этого самоосмысления с безграничной потребностью посвящать себя другому существу вплоть до утраты собственной самости и отличает великого историка» [2. С. 249].

Историческое приобретало здесь объективный характер, в силу максимального самоотстранения субъекта от предмета исследования, в качестве его потребителя. Им осуществлялась попытка удовлетворять интерес другого, но при этом его вход в автобиографию начинался из собственной жизни.

Относительно ценностей имеет смысл различать их по градации восприятия во времени, осуществлен ли объект оценивания или ему еще придется пройти сквозь массу препятствий, осуществиться или оказаться нереализованным. В том или ином случае важна лишь позиция, осуществлен ли проект или нет, принципиальным это становится лишь с точки зрения субъекта описывающего события. «Собственные ценности, которые познаются в переживании настоящего и только в нем, – это первично постигаемое, однако эти ценности обособлены друг от друга. Ведь каждая из них возникает из актуального отношения субъекта к некоему наличному предмету» [2. С. 250]. В любом случае за исходную точку каждого исторического исследования принимался настоящий момент, относительно которого и бросается взгляд в прошлое или будущее и, как уже отмечалось, с помощью категории значения и воспоминания происходит выбор материала, вплетаемый в структуру истории.

Жизнь сама по себе необъяснима, она может быть только описана путем ссылки на какого-нибудь референта, в автобиографии – это личность, оказавшая значительное влияние на ход исторических событий, она знаменует начало эпохи или меняет ее своими идеями или реализацией их, которая впоследствии переворачивает привычный жизненный уклад. Но жизнь понимается из самой себя, и это понимание, согласно В. Дильтею, осуществлялось благодаря конгенитальности людей. Отрицание причинности, присутствовавшей в естественнонаучном методе, целесообразно потому, что взаимосвязь в человеческом мире постигается из факта переживания, которое всегда имеет внутри себя цель, ради которой происходил процесс, начинающийся с переживания и в нем же проявляющийся и так до бесконечности. Такое же свойство в дильтеевском определении переживания отмечал Г.-Г. Гадамер: «Говоря, что то, что манифестируется в переживании, и есть жизнь, мы скажем не более, нежели если будем утверждать, что последнее – это то, к чему мы возвращаемся» [3. С. 110].

Рассмотрение переживания как понятия у Дильтея происходит в контексте соотношения его со временем. Он считал, что история исследуется из настоящего. Отзвук такого представления позже, но вполне чётко выразил Кассирер: «Историческое знание есть ответ на определенные вопросы, ответ, который может дать прошлое; но сами вопросы порождены и продиктованы

настоящим – нашими настоящими интеллектуальными интересами, равно как и современной нравственной жизнью и социальными потребностями» [1. С. 651].

Настоящее через мгновение становится прошлым, т.е. круг объектов гуманитарного исследования с каждой секундой расширяется. Историк из всего этого непрерывного потока обращает внимание на те явления, что стимулируют исторический процесс. Вместе с тем сам историк, находясь в гераклитовом потоке, каждый раз имеет перед собой не только другой материал, но по-другому смотрит на него, ибо он имеет уже количественно и качественно иную информацию.

Здесь вступает в силу метод, который используется, в том числе и в автобиографических трудах, когда из непрерывного потока данных берутся материалы, являющиеся элементами проекта истории. Строителем, связкой этих элементов выступает переживание как соотнесенность со своим прошлым опытом, оно дает возможность абстрагироваться от неактуального, обращая внимание исследователя на нечто, имеющее значимость для развития целого.

Понимание у Дильтея является попыткой охватить всю многомерность исторического поля, формирующегося на фоне нашего прошлого опыта, что очевидно, поскольку предметом истории по большому счету является прошлое. В итоге воспоминание становилось еще одним инструментом постижения действительности. Данное, таким образом, имело в себе множество нюансов того, что когда-то происходило, эти привязанные к настоящему моменту детали превращались в указатели, делающие процесс восприятия прошлого возможным, но возникало опасение, что они могут сбить нас с пути постижения данного. Избавиться от негативного влияния настоящего (случайностей настоящего момента) относительно восприятия прошлого можно, заменив данное восприятие другим, которое основывалось лишь на нашем переживании прошлого, в котором мы занимали место очевидцев, при этом высвобождая свое отношение к исследуемому в интеллектуальной форме путем обращения внимания на форму происходившего и ассоциируя воспоминание с восприятием.

Важным являлся этап устранения индивидуального опыта из процесса исследования. Это помогало в дальнейшем отличать воспринимаемое прошлое от примешиваемого к нему. Результат, полученный в процессе такого «рафинирования», есть переживаемое из данного момента, составляющее основу всего нашего познания. Сложность состояла в том, что неспособность отделить это настоящее, примешиваемое к прошлому, от чистого прошлого вела к возникновению проблемы детерминации актов воспоминания и восприятия.

Дильтеевским решением становился первый и, пожалуй, самый важный член триады – переживание, которое в своей длительности, фокусируя внимание на множестве деталей, производило их перевод в восприятие и воспоминание. Переживание, выхватывая эти моменты, стягивало действительность внутри себя. Восприятие этим путем становилось воспоминанием, но только после его внедрения в структуру опыта. Этими способами смешивания восприятия и воспоминания вместе со связыванием множества деталей переживание осуществляло познание вещей исторического мира.

С помощью герменевтического круга в полученном целом нужно обратить внимание на его части, устанавливая правильность выводов, в этом пункте стоит внимательно рассмотреть от начала до конца наши данные, очистить их от возможных неточностей, постоянно обращаясь к целому. Решая эту исследовательскую задачу, наш взгляд, очищенный от влияния внешних проявлений настоящего, получал возможность ясного видения определенной исторической проблемы, а, стало быть, позволял лучше понять текущий момент. Но, несмотря на то, что в настоящем имеются факторы, мешающие постижению исторических событий, все-таки «факты философского прошлого учений и систем великих мыслителей не имеют никакого значения без их интерпретации. А этот процесс интерпретации никогда полностью не останавливается. Как только в познании возникает новое видение, новый взгляд на вещи, так мы должны пересматривать наши суждения <...> Даже политическая история – не исключение из этого общего методологического правила» [1. С. 653–654].

Познание исторических событий происходит при активном участии герменевтики, которая имеет все основания считаться наукой. Она обладает объективностью, к интерпретации предъявляется определенный набор правил, герменевтический метод осуществляется в несколько этапов. Более широкий обзор и многочисленные проверки на истинность добытых герменевтикой данных, по мнению Дильтея, позволяют избавиться от субъективности в исследованиях.

Мы открываем в себе что-то затаенное, когда переживаем то, что было пережито историческими героями в минувшие эпохи. «Всякая герменевтика выступает пониманием себя через понимание другого» [4. С. 56]. Данная установка была решающей для отказа Дильтея от приоритета интроспекции в исследовании жизненной взаимосвязи. Философ полагал, что только в сравнении с другими возможно познание самого себя. Уже в описательной психологии его отказ получил свою формулировку: «Что такое человек, можно узнать не путем размышлений над самим собой, и даже не посредством психологических экспериментов, а только лишь из истории» [5. С. 28]. История, а не психология выступала тем связующим звеном, посредством которого осуществлялось познание человеческой действительности, психологическая ориентировка могла выступать лишь вспомогательным элементом.

В. Дильтей – яркий представитель философии жизни, ученик Ф. Шлейермахера, полагаясь на переживание как на исходный и важнейший элемент структурной связи, позволявший осязать все человеческое, – порой преувеличивал значение психологии, превращая переживание в единственный компонент, обеспечивающий все возможности познания в гуманитарных науках, тем самым в них вносилась большая доля субъективности. В дальнейшем, при развитии этих своих идей, он осознал подводные камни такой одномерности, добавил к переживанию такие элементы, как выражение и понимание, которые в совокупности характеризовали коммуникативную связь между людьми, выступали принципом гуманитарного знания, вносили ощутимую лепту в объективность исторических исследований. Рассмотрение статуса и роли переживания не исчерпывает темы отношения В. Дильтея к психологизму и его преодолению. Исследование вклада В. Дильтея в формирование

гуманитарных наук будет продолжено нами с учётом разработки им проблемы структуры гуманитарного знания в соотношении переживания, выражения и понимания.

Литература

1. Кассирер Э. Избранное. Опыт о человеке. М.: Гардарика, 1998. 784 с.
2. Дильтей В. Построение исторического мира в науках о духе // В. Дильтей. Собрание сочинений в шести томах. М.: Три квадрата, 2004. Т. 3. 419 с.
3. Гадамер Г.Г. Истина и метод. М.: Прогресс, 1988. 704 с.
4. Рикер П. Конфликт интерпретаций. М.: Академический проект, 2008. 695 с.
5. Дильтей В. Описательная психология. СПб.: Алетейя, 1996. 160 с.

Khamitov Ramil. Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation).

E-mail: rams2601@yandex.ru

DOI: 10.17223/1998863X/№35/№ 7

EXPERIENCE IN DILTHEY'S STRUCTURE OF THE HUMANITIES

Key word: *antipsychologism, hermeneutic circle, emancipation of humanities, historical method.*

The article considers the development of Dilthey's research struggle for the emancipation of the humanities which is characterized by both the liberation of history from the yoke of natural science and the absorption of history by the other disciplines which deals with human being. The anti-psychological position of late Dilthey, shifting the research focus to hermeneutics is presented.

References

1. Cassirer, E. (1998) *Izbrannoe. Opyt o cheloveke* [Selected works. An Essay on Man]. Translated from German by S.O. Kuznetsov, B. Vimer. Moscow: Gardarika.
2. Dilthey, W. (2004) *Sobranie sochineniy v shesti tomakh* [Selected works in 6 vols]. Translated from German. Vol. 3. Moscow: Tri kvadrata.
3. Gadamer, G.G. (1988) *Istina i metod* [Truth and Method]. Translated from German by B.N. Bessonov. Moscow: Progress.
4. Ricoeur, P. (2008) *Konflikt interpretatsiy* [The conflict of interpretations]. Translated from French. Moscow: Akademicheskii proekt.
5. Dilthey, W. (1996) *Opisatel'naya psikhologiya* [Descriptive psychology]. Translated from German. St. Petersburg: Aleteyya.